

СВІТОВЕ ГОСПОДАРСТВО І МІЖНАРОДНІ ЕКОНОМІЧНІ ВІДНОСИНИ

УДК 331.101.262

Л. И. Антошкина

ФОРМИРОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ТЕОРИЯ И МИРОВАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. Обоснована постановка проблемы эффективного соотношения накопленного и востребуемого человеческого капитала как нового подхода в обеспечении динамичного экономического развития.

Ключевые слова: экономика, социальная сфера, факторы общественного прогресса, человеческий капитал, эффективность и качество, политика накопления, практика использования, новые вызовы в образовании, мировой опыт, рекомендации.

Summary. Grounded the problem of effective accumulated value and such that required human capital as a new approach to providing dynamic economic development.

Key words: economics is grounded, social sphere, factors of social progress, human capital, efficiency and quality policy of accumulation, the practice of using the new challenges in education, international experience and recommendations.

Постановка проблемы. Ставшая парадигмой социально-экономического развития и доказанная длительным опытом успешных стран идея наращивания человеческого капитала подвергается испытаниям новыми вызовами. Общий взгляд на проблему воспроизводства человеческого капитала через эффективное образование и осуществление комплекса непрерывных мер в области здравоохранения и повышения жизненных стандартов остаётся базовым в практической политике. Однако выясняется некоторая неопределённость применявшихся до сих пор критериев в оценке роли отдельных формирующих человеческий капитал факторов, причём в первую очередь это относится к образованию. Стало очевидным, что просто накопление знаний индивидуумом уже не отвечает потребностям общественной практики и что в понятие «образованный человеческий капитал» необходимо вносить специфические изменения с тем, чтобы этот индивидуум был способен отвечать меняющимся обстоятельствам этой практики.

Практическая реализация подобных вызовов потребует адекватных изменений в политике инвестирования воспроизводства человеческого капитала. Обоснование необходимости концептуальных изменений в практической политике формирования человеческого капитала и составляет **цель статьи.**

Изложение материалов исследования. Изучение причин возникновения и роста добавочного продукта как главного фактора общественного благосостояния издавна занимало много места в научной мысли. Родоначальник классической буржуазной политэкономии Уильям Петти (1623–1687) считал, что источник стоимости: «Труд — отец и активнейший принцип богатства, земля — его мать», то есть он определял зарплату как

стоимость, создаваемую землёй и трудом, которая сводится к среднему дневному пропитанию взрослого человека; зарплата, таким образом, выводилась из размера физиологического прожиточного минимума [1]. Как именно можно увеличить стоимость, кроме вовлечения большего количества работников и земли, в трудах У. Петти и других учёных того времени не говорилось. Ответы на этот вопрос начали появляться гораздо позже.

Адам Смит (1723–1790), шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической политэкономии, доказывал, что для роста богатства народов необходимо увеличивать долю населения, занятого производительным трудом, и *увеличивать производительность труда*. В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) он установил, что совокупный запас общества составляет постоянный капитал и что одной из частей этого капитала является *«полезность талантов, приобретённых жителями страны или членами общества. Для приобретения этих талантов требуются всегда немалые расходы на содержание того, кто старается приобрести их, во всё время его воспитания, обучения и дальнейшего образования, и все эти расходы составляют постоянный капитал. Если эти дарования составляют часть его личного богатства, то они в то же время составляют и часть богатства целого общества, к которому он принадлежит»* [2].

Мы выделили эту выдающуюся мысль для того, чтобы подчеркнуть её вневременную актуальность, чтобы напомнить «правлящим философам» (выражение Платона по поводу идеи Пифагора образовать союз людей, тесно связанных между собой общим учением и образованием и стремящихся к одной общей цели — к управлению государством на основе науки, 540–500 гг. до Р. Х.,

© Л. И. Антошкина, 2013

[3]) те основы научных взглядов, которые позже оформились в понятия человеческого капитала, доминантного значения в нём интеллектуального капитала как источника процветания и прогресса.

Величайшая заслуга А. Смита перед позднейшим человечеством состоит в том, что в росте общественного богатства он впервые определил место третьего элемента — капитала и что известная до него двузвенная цепочка «земля — труд» была удлинена именно этим элементом («земля — труд — капитал»), неустанное воспроизводство которого в последующие столетия сделало богатыми страны, не располагавшие большими населением и землями; и, наоборот, игнорирование его роли не сделало благополучными другие страны, где и земли и населения было в избытке.

Важно также то, что, по А. Смигу, капитал стал рассматриваться не только как материальные объекты, но и как «полезные таланты», давшие новые идеи для увеличения производительности труда и плодородия земли. Для слабых памятью современных «правящих философов» в бедных странах, с необыкновенной лёгкостью утрачивающих человеческий капитал, остаётся актуальным напоминание А. Смита о том, что для воспроизводства «полезных талантов» требуются «немалые расходы» для их «воспитания, обучения и дальнейшего образования». В таких странах должна особо остро ощущаться практическая значимость идеи А. Смита относительно важной роли «носителей полезных талантов» для страны как составляющих «богатство целого общества», и, следовательно, это богатство необходимо беречь и приумножать.

В разные периоды исследователи стремились найти ценностную меру стоимости этого капитала. Уильям Томпсон (1785–1833) внёс в трудовую теорию стоимости существенные уточнения — свёл все виды сложного труда к общественно необходимому простому труду и доказал, что в основе стоимости лежит не просто рабочее время, а общественно необходимое рабочее время [4]. Английский экономист Шилд Никольсон в 1896 году попытался определить соотношение «стоимости» населения и вещного богатства Англии, но только Л. Дублин в 1922 году подсчитал на примере США, что «капитальная стоимость» населения этой страны в пять раз превышала её «материальное богатство» [5]. Благодаря этим исследованиям окончательно было доказано, что никакое «материальное богатство» не является подлинной мерой богатства любой страны, потому что оно само создаётся интеллектуальным капиталом, который только и служит измерителем её могущества. Однако только к середине XX века возникло достаточно предпосылок для оформления теории «человеческого капитала».

Все предыдущие теории суммировано свелись к тому, что *человеческий капитал* — наибо-

лее ценный ресурс, гораздо более важный, чем природные ресурсы или накопленное богатство; он является краеугольным камнем конкурентоспособности, экономического роста и эффективности; это сложная категория общественного воспроизводства, имеющая системную структурно-функциональную организацию; это понятие позволяет с общих позиций изучать многие явления рыночных отношений и выявлять эффективность вложенных в человеческий фактор финансовых средств, понять роль социальных институтов, выявить социальные параметры и провести экономический анализ влияния социального фактора на рыночную экономику [6].

Ряд исследователей рассматривают человеческий капитал как важнейший ресурс постиндустриального общества [7]. Техника, создающая богатства, приходит в жизнь через технологические знания и организационные усовершенствования, но только опытная квалифицированная рабочая сила способна управлять высокотехнологичным процессом. Таким образом, все стадии общественного прогресса — продуцирование идеи, её технологическое воплощение и производство на базе инновационной техники и технологии — реализуются интеллектуальным потенциалом общества, то есть человеческим капиталом в экономике, под которым подразумевается человек, имеющий запас знаний, здоровья, навыков, опыта, которые используются индивидом для получения дохода.

В расширенном представлении «человеческий (интеллектуальный) потенциал» обозначает:

- 1) что это приобретённый запас знаний, умений, навыков;
- 2) что этот запас целесообразно использовать в той или иной сфере общественной деятельности для обеспечения роста производительности труда и производства;
- 3) что создавать этот запас, не сообразуясь с возможностями его фактического использования или не обеспечивая такие возможности в силу низкого качества государственного управления, значит подталкивать общество к деградации и утрате чувства потребности в интеллектуальном развитии;
- 4) что использование данного запаса приводит к росту заработков (доходов) данного работника в будущем и что если этого не происходит, то теряется мотивация к созданию интеллектуального запаса;
- 5) что увеличение доходов способствует заинтересованности работника, а это приводит к дальнейшему инвестированию в человеческий капитал;
- 6) что мотивация служит катализатором генерирования инновационных идей.

Исследователи особо подчёркивают, что человеческий капитал как запас знаний, умений, навыков и опыта невозможно представить без соответствующего запаса здоровья. Поэтому, на-

пример, И. В. Ильинский предлагает формулу человеческого капитала в виде [4]:

$$ЧК = K_3 + K_K + K_O, \quad (1)$$

где $ЧК$ — человеческий капитал; K_3 — капитал здоровья; K_K — капитал культуры; K_O — капитал образования.

Капитал здоровья — это инвестиции в человека, осуществляемые с целью формирования, поддержания и совершенствования его здоровья и работоспособности; это «несущая конструкция» $ЧК$ вообще. Инвестиции в здоровье, его охрана, сокращение заболеваний и смертности продлевают трудоспособную жизнь человека, а следовательно, и время функционирования $ЧК$. Эта теоретическая концепция заложена в практику развитых социальных стран, что подтверждается, в частности, значительно большей продолжительностью жизни человека в них, чем в бедных странах независимо от их географического расположения. Данный аспект означает, что социальная политика развитых стран является тщательно взвешенным экономическим параметром, а не следствием благотворительности власти и капитала по отношению к населению.

При таком толковании сущности капитала здоровья и адекватности его требованиям социальной политики государства становится очевидным, что два других слагаемых формулы (1) строятся на K_3 как на необходимой базе — культура и знания могут эффективно восприниматься здоровым человеком (в широком смысле этого понятия).

Продуцирование здоровым человеческим капиталом идей развития и технологий их практической реализации увеличивает темпы и потенциал развития, повышает общественное богатство, что предвидел ещё А. Смит [2]. В современных условиях для измерения экономической эффективности вложений в развитие $ЧК$ используются макроэкономические измерители на основе ВВП (GDP), взятого в абсолютном (годовом) объёме, или в расчёте на душу населения (GDP per capita):

$$ВВП = F(ЧК), \text{ или } GDP \text{ per capita} = F(ЧК).$$

При определении понятия «человеческий капитал» учитываются следующие особенности:

1. Человеческий капитал является главной ценностью современного общества, а также основополагающим фактором экономического роста.

2. Формирование человеческого капитала требует значительных затрат как от самого индивидуума, так и от общества в целом.

3. Человеческий капитал может быть накоплен, то есть именно индивидуум может приобрести определённые знания, навыки, способности, может увеличить своё здоровье при условии, что в обществе есть потребность в современном $ЧК$ и оно создаёт необходимые условия для его сохранения и воспроизводства.

4. Человеческий капитал на протяжении своей жизни не только приобретает знания, но и изнашивается — как физически, так и морально: устаревают знания индивидуума, то есть экономически изменяется стоимость $ЧК$ в процессе бытия, $ЧК$ амортизируется.

5. Инвестиции в человеческий капитал дают его обладателю, как правило, в будущем более высокий доход. Для общества вложения дают более длительный (по времени) и интегральный (по характеру) экономический и социальный эффект.

6. Инвестиции в человеческий капитал носят длительный характер, причём если инвестиции в K_O имеют период 12–20 лет, то в K_3 человек производит вложения в течение всей жизни (аргюируется, что общественная среда в этом заинтересована и этому способствует).

7. Человеческий капитал отличается от физического по степени ликвидности — человеческий капитал неотделим от его носителя.

8. Прямые доходы, получаемые человеком, контролируются им самим независимо от источника инвестиций на развитие $ЧК$.

9. Функционирование человеческого капитала зависит как от самого человека, так и от общественной среды. Сам человек может проявлять разные предпочтения, материальные и моральные интересы — в зависимости от его мировоззрения и общего уровня культуры. Но все его индивидуальные качества общественная среда может или стимулировать, или подавлять, например, атмосферой незаинтересованности, безразличия, недалёковидности.

Все эти особенности находят разное воплощение в текущей политике и стратегиях стран мира. Собственно, понятие «развитые страны» можно ассоциировать с максимальными проявлениями факторов формирования человеческого капитала. В то же время «бедные страны» — это, в большинстве, синоним минимальных или даже отрицательных параметров факторов человеческого капитала. В первых инвестиции в человеческий капитал есть доминанта долговременной политики, а потому их следствием является устойчивый рост производительности общественного труда. Инвестиции со стороны общества в человеческий капитал в совокупности с затратами труда человека на саморазвитие и самосовершенствование включаются в общественные затраты во всём воспроизводственном процессе. Поэтому экономический и социальный рост всегда обеспечиваются устойчивым соотношением общественных затрат на воспроизводство $ЧК$ и роста производительности общественного труда. При необходимости значительно ускорить рост (экономический, социальный) общество, как правило, соответственно усиливает приоритеты в области ускорения развития человеческого капитала.

Эта закономерная связь нашла отражение в производственной функции Кобба-Дугласа, устанавливающей зависимость роста национального дохода от изменений в количестве и качестве двух факторов производства — труда и капитала:

$$Y = A \times K^\alpha \times L^\beta, \quad (2)$$

где Y — национальный доход (ВВП, GDP); K , L — соответственно затраты капитала и труда; α , β — коэффициенты эластичности производства по труду и капиталу; A — технологический коэффициент. При этом K — физический капитал, то есть овеществлённый труд, а L — человеческий капитал, то есть целостная личность человека, участвующая в производстве. Аппарат производственной функции располагает значительными аналитическими возможностями, в частности, позволяет исследовать текущие соотношения затрат ресурсов и результатов производства.

Из функции (2) следует, что любые инвестиции в труд, особенно в его качественные параметры, пропорционально увеличивают национальный доход. Деградация переменных функции (2), то есть сокращение трудовых ресурсов (как следствие сокращения численности населения по причинам снижения рождаемости, роста смертности, увеличения эмиграции, снижения уровня занятости и т. д.) и уменьшение капитала в общественном производстве (общее и в отраслевом разрезе, а также его обесценение в связи с физическим и моральным износом), сопровождается соответствующим падением национального дохода в динамике. В 20-е годы XX в. такого рода закономерности впервые были доказаны на статистическом материале отраслей промышленности США. В дальнейшем теория производственных функций использовалась для прогнозирования экономики многих других стран. В настоящее время её эффективность может быть доказана опытом, в том числе и Украины (рис. 1, табл. 1).

Разновекторная динамика $ВВП_{\text{номин.}}$ и численности населения — от высших показателей в 1990 году до катастрофического обвала к концу 2000-х годов по $ВВП_{\text{номин.}}$ и продолжающегося резкого сокращения по населению — это свидетельство абсолютной противоположности целей политических реформ и интересов населения страны. В начале первого десятилетия XXI века обвальное падение среднедушевого дохода перешло в фазу роста, но лишь частично вследствие позитивных изменений в сырьевой экономике, а главным образом — по причине сокращения населения. Впрочем, в последние годы экономический рост фактически сменился стагнацией производства и среднедушевых доходов населения, то есть материальная база воспроизводства человеческого капитала едва «дотягивала» до 70 % от уровня 1990 года.

К середине анализируемого периода рейтинг Украины по уровню жизни зафиксировал её «прочное» место в конце первой сотни стран мира (табл. 1).

Исследования на основе функции (2) показали особое значение в современных условиях инвестиций в здоровье и образование. Общеизвестно, что из всех компонентов совокупного капитала первостепенный интерес должен проявляться к увеличению *капитализации человека*. Страны, которые не только восприняли эту идею на уровне общественного мнения, но и сделали её доминантой своей практической политики, ещё более укрепили своё мировое лидерство в экономике, науке, образовании, социальной сфере. И это не случайно. Высокий уровень и качество накопленного ЧК необходимы для ускоренного осуществления институциональных реформ, трансформации государства, технологического обновления производства, рыночных преобразований экономики и т. д. Можно предположить, что страны с низким уровнем ЧК ещё более загоняют себя в застойный тупик по двум причинам: 1) властные силы ещё не понимают и не воспринимают позитивный мировой опыт в капитализации человека; 2) эти силы не хотят воспринимать мировой опыт, например, потому, что им выгоднее сохранять факторы дегградации ЧК. Пример Украины свидетельствует скорее в пользу второго предположения.

Среди ограничителей на применение опыта передовых стран развивающимися странами Саймон Кузнец поставил на первое место *стартовые потенциалы* физического и человеческого капитала [8]. Но его рассуждения относились к тому периоду мирового развития, когда Украина и другие «независимые» государства бывшего СССР ещё не причислялись к развивающимся, а их потенциал в области человеческого капитала не уступал передовым странам Запада. Никто не мог предположить, что этот потенциал будет бездарно и преступно разрушен вскоре после «реформ независимости» в странах бывшего ССР и они перейдут в разряд развивающихся (по оптимистическим оценкам). Поскольку их стартовый потенциал за годы «независимости» неуклонно утрачивался и за два десятилетия в них не было войн, масштабных стихийных катастроф и других бедствий, то остаётся только одно объяснение этому регрессу — правящим силам это было выгодно, а общество постепенно теряло способность сопротивляться разрушению.

Подтверждение справедливости доводов С. Кузнец в наше время можно найти только в опыте стран с догоняющей экономикой. В конце XX века большинство из них (Китай, Индия, Вьетнам, ряд стран Латинской Америки) начинали своё реформирование с крайне низких стартовых параметров экономической и социальных

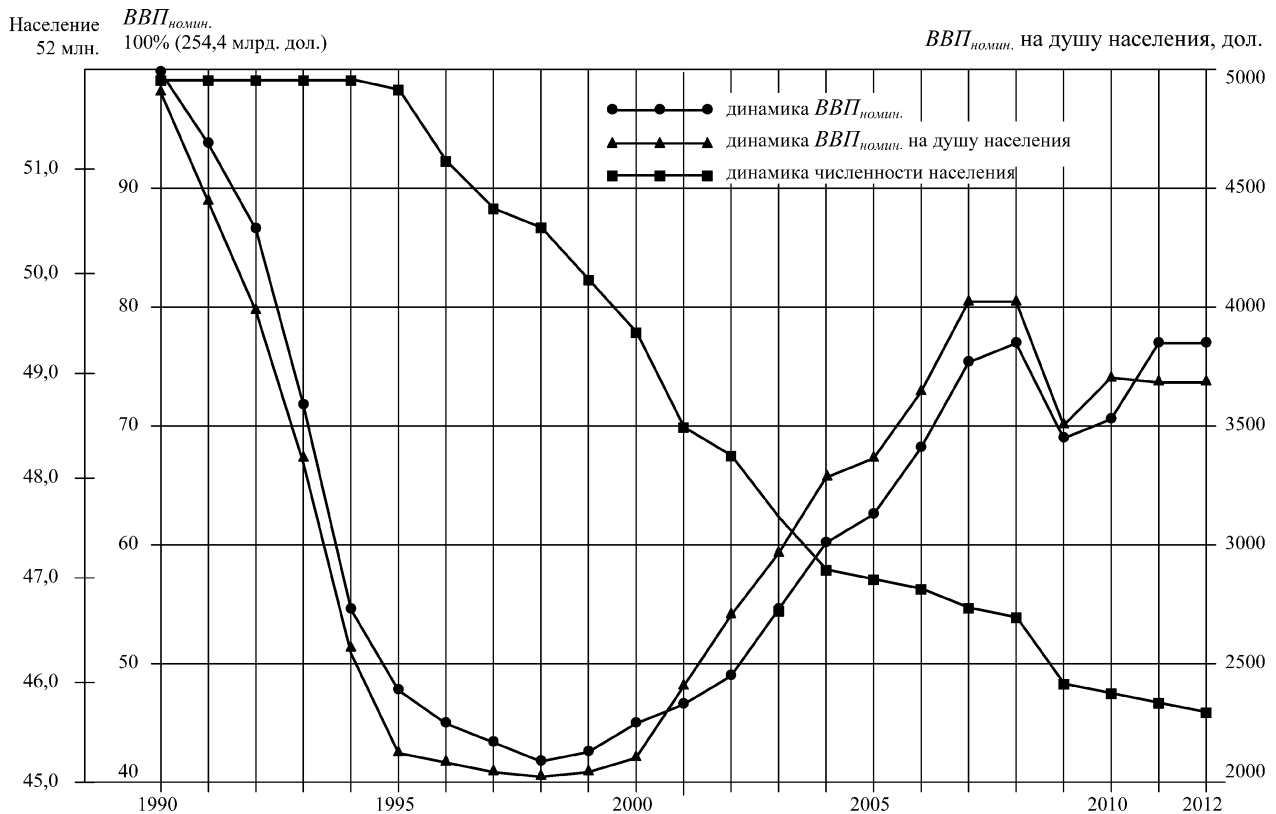

Рис. 1. Состояние и эффективность человеческого капитала Украины (расчёты автора на основе данных Госкомстата)

Таблица 1

Рейтинг стран мира по уровню жизни (выборка для сравнения места Украины)

Место в мире, страна	Индекс уровня жизни	Прогнозируемая продолжительность жизни, лет	Индекс доступности образования	ВВП (по ППС) на душу, дол.	Индекс прогнозируемой продолжительности жизни	Индекс образования	Индекс ВВП
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Норвегия	0,965	79,6	100	38454	0,91	0,99	0,99
11. Финляндия	0,947	78,7	100	29951	0,89	0,99	0,95
37. Польша	0,862	74,6	86	12974	0,83	0,95	0,81
60. Румыния	0,805	71,5	75	8480	0,78	0,90	0,74
77. Украина	0,774	66,1	85	6394	0,69	0,94	0,69

Источник: World Bank (на 30.11.2006 г.)

систем, но уже в первые годы XXI века они вырвались вперёд по темпам развития в сравнении с «независимыми» странами бывшего СССР и в настоящее время значительно опережают их благодаря осуществлению политики приоритетной капитализации человека. По темпам роста инвестиций в человеческий капитал, в особенности в капитал образования, страны с догоняющей экономикой превзошли показатели США и других мировых лидеров.

Такое мощное подтверждение идеи приоритетности капитализации человека заставило исследователей направить особые усилия на выявление количественной оценки этого феномена в росте общественного продукта. По оценкам Т. Шульца, из производимого в обществе совокупного продукта на накопление человеческого

капитала используется уже не $\frac{1}{4}$, как следовало из большинства теорий воспроизводства XX века, а $\frac{3}{4}$ его общей величины [9].

Профессор экономики и социологии Чикагского университета Г. С. Беккер первым перенёс понятие ЧК на микроуровень. Человеческий капитал предприятия он определил как совокупность навыков, знаний и умений человека. В качестве инвестиций в них он учёл в основном затраты на образование и специальное обучение. Экономическую эффективность высшего образования прежде всего самого работника Г. С. Беккер определил как его дополнительный доход, который, за вычетом упущенного дохода за время обучения, составил 12–14 % личной годовой прибыли специалиста (отношение личных доходов к личным издержкам).

Обосновав различие между общими и специальными инвестициями в человека и выделив особое значение *специального обучения, специальных знаний и навыков*, проф. Беккер доказал, что специальная подготовка работников формирует конкурентные преимущества фирмы, характерные и значимые особенности её продукции и поведения на рынках и, в конечном итоге, её ноу-хау, имидж и бренд. В специальной подготовке заинтересованы сами фирмы и корпорации, и потому они всё шире финансируют её. Он доказал и политикам, и предпринимателям на обширном статистическом материале, что образование является фундаментом увеличения доходов и наёмных работников, и работодателей, и государства в целом. В результате политики, финансисты и бизнесмены стали рассматривать инвестиции в образование как перспективные капиталовложения, приносящие доход [10]. Однако это понимание, ставшее практической политикой в развитых странах и в странах с догоняющей экономикой, ещё не достигло сознания правящих сил остальных стран.

Обширная научная база, состоящая из трудов классиков политической экономии, экономики постиндустриального общества, информационной экономики, превратила человеческий капитал в сложный интенсивный фактор развития современной экономики — Экономики Знаний. На базе теории и практики ЧК формируется и совершенствуется успешная парадигма развития не только США, но и ведущих европейских стран. На основе теории ЧК отставшая было Швеция модернизировала свою экономику и вернула в 2000-х годах лидерские позиции в мировой экономике. За исторически короткий период времени сумела от в основном сырьевой экономики перейти к инновационной Финляндия. Её пример может служить образцом для России и Украины. Финляндия сумела создать свои собственные конкурентоспособные высокие технологии, не отказываясь от глубочайшей переработки своего главного природного богатства — леса. Страна сумела выйти на первое место в мире в рейтинге конкурентоспособности экономики в целом. Более того, именно на доходы от переработки древесины в товары с высокой добавленной стоимостью Финляндия создавала свои инновационные технологии и продукты. Стратегические сырьевые ресурсы России и Украины в это же время «дербанятся» с помощью методов далёкого прошлого, а их экономика продолжает в целом оставаться неэффективной и практически полностью зависящей от мировой конъюнктуры на сырьевых товарных рынках. Очевидно, что при таком положении неоткуда взяться доходам на создание высоких технологий и на развитие человеческого капитала.

Однако страны, разорвавшие этот замкнутый круг, располагают мощным человеческим капита-

лом, что делает их развитие независимым от фактора сырьевых ресурсов и позволяет им диктовать условия на мировых рынках. В развитых странах мира сосредоточена основная часть мирового человеческого капитала. Это связано с тем, что инвестиции в ЧК в последние полвека (с 60-х годов) в этих странах значительно опережают инвестиции в физический капитал. Например, в США соотношение «инвестиций в человека» и производственных инвестиций (социальные расходы на образование, здравоохранение и социальное обеспечение в % к производственным инвестициям) составляло: в 1970 году — 194 %, а в 1990 году — 318 % [11].

Специалисты Всемирного Банка на базе затратного метода (по инвестициям) оценили стоимость национального человеческого капитала всего мира и отдельных стран по состоянию на конец XX века:

- стоимость мирового ЧК — 365 трлн. долларов, или 66 % мирового богатства;
- стоимость ЧК США — 95 трлн. долларов, или 77 % национального богатства страны (НБ), или 26 % мирового показателя стоимости ЧК;
- стоимость ЧК стран G7 (США, Канада, Япония, Великобритания, Германия, Франция, Италия) + «старые» страны Евросоюза (16 стран) — 215 трлн. долларов, или 59 % мировой величины ЧК, или 78 % стоимости их НБ;
- доля ЧК в НБ всех развитых стран мира — 80 %;
- стоимость ЧК Китая — 25 трлн. долларов, или 77 % всего НБ страны, или 7 % мирового итога ЧК, или 26 % к уровню ЧК США;
- стоимость ЧК Бразилии — 9 трлн. долларов, или 74 % всего НБ страны, или 2 % мирового итога ЧК, или 9 % к уровню ЧК США;
- стоимость ЧК Индии — 7 трлн. долларов, или 58 % всего НБ страны, или 1,9 % мирового итога ЧК, или 7 % к уровню ЧК США;
- стоимость ЧК России — 30 трлн. долларов, или 50 % всего НБ страны, или 8 % мирового итога ЧК, или 32 % к уровню ЧК США.

Из этих оценок следует:

- 1) основная часть ЧК мира сосредоточена в развитых странах;
- 2) лидером и примером для всего мира по накоплению ЧК являются США;
- 3) в развитых странах ЧК составляет подавляющую часть их НБ;
- 4) ближе других стран по стоимости ЧК находятся к США Китай и Россия, но если в Китае стоимость ЧК составляет 77 % национального богатства этой страны, то в России — всего лишь 50 %. Это различие может служить критерием оценки социальной политики двух стран, формально считающихся развивающимися.

При сравнительной оценке стоимости ЧК стран с неодинаковым уровнем развития существу-

ют определённые трудности. Человеческий капитал слаборазвитой страны и развитой страны имеет существенно различную производительность на единицу капитала, а также весьма различное качество (например, существенно различное качество образования и медицинского обслуживания). Эти различия в эффективности национального ЧК можно учесть с помощью методов факторного анализа и с использованием страновых международных индексов и показателей. Такие сравнения свидетельствуют о том, что значения коэффициента эффективности ЧК развитых и бедных развивающихся стран отличаются в разы, и в таком же соотношении находятся отличия в их производительности труда. В России (как, впрочем, и в Украине) стоимость национального ЧК снижалась за последние 20 лет в связи с низкими инвестициями в него и деградацией образования, медицины, науки.

В связи с этим представляют практический интерес попытки расчёта *коэффициента эффективности ЧК (как отношение прироста ВВП (GDP) к инвестициям в развитие ЧК)* по разным странам и его сопоставление с другими международными

индексами, в частности, индексом сырьевой экономики и индексом экономической свободы (Index of Economic Freedom, JEF).

Индекс сырьевой экономики в международных сравнениях определяется как

$$k = \frac{GDP - \text{Export of natural products}}{GDP},$$

где *Exports of natural products* — стоимость годового экспорта сырьевых продуктов.

Индекс экономической свободы рассчитывается по 10 субиндексам: свобода бизнеса, свобода торговли, фискальная свобода, расходы правительства, свобода цен, свобода инвестиций, свобода финансового сектора, защита прав собственности, уровень коррупции, свобода рынка труда. Значение каждого субиндекса варьируется от 0 до 100, где 100 баллов означают максимальный уровень экономической свободы. Величина JEF вычисляется как средневзвешенная по экспертным оценкам каждого субиндекса. Данную методику оценки эффективности ЧК применил Всемирный Банк (ВБ). Результаты этих оценок привёл Ю. А. Корчагин в работе [12] (табл. 2).

Таблица 2

Индекс эффективности человеческого капитала (по оценке ВБ)

Страна	Тип экономики	Индекс эффективности ЧК	Индекс качества ЧК	k	IEF
1	2	3	4	5	6
США	Знаний	1,225	1,670	1,0	0,78
Великобритания	Инновационная	0,855	0,96	1,0	0,75
Германия	Инновационная	0,930	1,140	1,0	0,72
Япония	Инновационная	0,930	1,130	1,0	0,73
Китай	Индустриальная с очагами инновационной	0,49	0,45	1,0	0,52
Индия	Индустриальная с очагами инновационной	0,37	0,19	1,0	0,55
Россия	Индустриально-сырьевая	0,30	0,31	0,75	0,51
Казахстан	Индустриально-сырьевая	0,29	—	0,56	0,62
Эстония	Индустриальная	0,67	0,59	1,0	0,75

Данные табл. 2 доказывают, что примитивное мировоззрение правящих сил так называемых «независимых» стран бывшего СССР (прежде всего России и Украины) абсолютно лишено экономической логики. При очевидном пренебрежении базовых интересов собственного населения они должны были бы озаботиться тем, что его деградация всё больше лишает власть и капитал этих стран возможности обогащаться. Разница в индексах эффективности и качества ЧК по сравнению с США, соответственно в 4,1 и в 5,4 раза, которая в ближайшие годы станет ещё больше вследствие мизерных и непостоянных вложений этих стран в ЧК, окончательно «добьёт» его потенциал, а производственные фонды обветшают до такой степени, что какое-либо эффективное производство (особенно в отраслях традиционного сырьевого экспорта) вообще станет невозможным.

Мировой опыт и его теоретическое обобщение теперь уже совершенно однозначно свиде-

тельствует, что человеческий капитал является самостоятельным сложным интенсивным фактором развития, фундаментом роста ВВП в сочетании с инновациями и продуцируемыми ЧК высокими технологиями. *Отличие этого фактора от природных ресурсов, классического труда и обычного капитала состоит в необходимости постоянных повышенных инвестиций в него и существовании значительного временного лага в отдаче этих инвестиционных вложений.*

В развитых странах мира в конце 90-х годов в человеческий капитал вкладывалось около 70 % всех средств, а в физический капитал — только около 30 %. При этом основную долю инвестиций в ЧК в передовых странах мира осуществляет именно государство. «Нетерпеливый» к ускоренному обогащению властный истеблишмент «независимых» стран бывшего СССР до сих пор не осознаёт, что существующие источники его выгод скоро иссякнут, в то время как разумное терпение на базе экономиче-

ских расчётов помогло бы сделать функционирование этих источников бесконечным.

Глубоким заблуждением правящих сил «независимых» стран постсоветского пространства является доктрина инноватизации своей экономики за счёт покупки на Западе высоких технологий и современного оборудования. Обслуживающие власть этих стран «мыслители» внушили ей, что придать импульс ускорения экономике гораздо выгоднее путём «трансфера» продукции высокотехнологичных секторов развитых стран, чем тратиться на создание этих продуктов самим. Эта «идея» могла быть воспринята властями только в силу абсолютного непонимания ими того факта, что подобный обмен допустим и выгоден только во взаимоотношениях развитых экономик и совершенно циничен, когда подобным образом действуют туземные страны. Этим самым они узаконивают своё третьестепенное место в мире и окончательно лишают нации перспективы. В странах с низким уровнем и качеством человеческого капитала подобные инвестиции для повышения технологического уровня экономики могут дать только кратковременный эффект — как, например, пришитая к дырявому кафтану золотая пуговица. Сравнительно быстрые успехи финнов, ирландцев, японцев, китайцев, корейцев, «новых» европейских развитых стран в конце XX — начале XXI веков подтверждают вывод о том, что фундаментом для формирования человеческого капитала является высокая культура и образованность основной массы населения этих стран.

Несмотря на то, что идеи приоритетности развития человеческого капитала давно стали доминантой политики и практики развитых стран и успешно применяются в странах с догоняющей экономикой, во втором десятилетии XXI века обозначились довольно тревожные тенденции в использовании накопленного человеческого капитала как в развитых, так и в развивающихся странах. Эти тенденции весьма неоднозначны. Их общий характер не даёт оснований для пересмотра роли ЧК в прогрессе общества, особенно в приоритетных сферах науки, культуры, производства. Но частные особенности этих тенденций заставляют думать о пересмотре методов общественного планирования во всей системе образования, специальной подготовки, профессионального ориентирования, распределения, трудоустройства человеческого капитала.

Особо актуальной становится проблема сочетания понятия «качественный человеческий капитал» с быстро меняющимися общественными и отраслевыми потребностями, которые возникают как следствие появления новых возможностей в ускорении развития и отставании в создании способов реализации этих возможностей.

Становится всё более осязаемой практическая нечёткость понятия «образованный

индивидуум» как основа качества ЧК. Из-за неясности этой идеологии уже сейчас нарастает удельный вес носителей качественного образования, которые не могут использовать его по назначению, и в то же время драматически быстро обостряется потребность в обладателях специального образования, индивидуумах со специальными навыками и опытом. Этот, кажущийся парадоксальным, факт признаётся работодателями практически всех стран мира. Парадоксальным этот факт является потому, что он отражает противоречие между снижением занятости населения (например, во многих развитых странах), ростом структурной безработицы (по количеству безработных и продолжительности поиска работы) и увеличением дефицита специально подготовленных индивидуумов.

Выясняется спорный характер господствующей до сих пор доминанты неуклонного наращивания трат общества на развитие человеческого капитала как динамичного процента чистого продукта страны (по величине которого до сих пор ведётся своеобразное соревнование между странами). Недифференцированные отчисления на социальную политику приводят к тому, что одинаковый процент чистого продукта идёт на каждое слагаемое модели (1), хотя из практических соображений следовало бы распространять его только на K_z и K_k , а K_o финансировать согласно потребностям развития страны.

К такому образу мыслей подталкивает опыт, например, Японии и США. Япония входит в число стран-лидеров по продолжительности жизни в мире (то есть имеет максимальный показатель K_z), а США по этому показателю занимают 49-е место в мире, но располагают самой большой стоимостью ЧК. Экономика обеих стран по типу относится к Экономике Знаний, обе страны характеризуются высшими значениями инновационности, являются сопоставимыми по конкурентоспособности мировыми соперниками, незначительно различаются по среднему доходу (то есть по уровню социальных стандартов жизни). Япония занимает первое место в мире по объёму трат на фундаментальные исследования и входит в лидирующую группу стран мира по числу получаемых патентов на открытия и престижных мировых премий (например, Нобелевских).

Возникает закономерный вопрос: если обе страны тратят на воспроизводство ЧК примерно 5 % своего GDP, то как структурно распределяется денежная стоимость этих 5 % на развитие ЧК? Исходя из фактической продуктивности ЧК обеих стран (примерно равной) и резко различающейся продолжительности жизни, можно сделать вывод, что Япония тратит больше на K_z и K_k , а того, что она расходует на K_o , достаточно для поддержания конкурентоспособного уровня в мире.

В пользу этого довода «работает» и другое доказательство. В отличие от США, Япония обеспечивает развитие ЧК исключительно за счёт национальных кадров. Так называемая «изоляционистская» традиция отрицания иммиграции не мешает стране быть среди научно-технологических лидеров мира, но спасает её от негатива иммиграции, например, от искусственной и социально опасной конкуренции «пришлых» кадров с национальными, когда иммигранты закрепляются в тех или иных секторах экономики только благодаря согласию на меньшую зарплату. Сиюминутная выгода работодателей очень скоро оборачивается потерями общенационального характера, поскольку в эти отрасли резко сокращается приток из коренного населения, теряют привлекательность профессии традиционного профиля и специальности в ВУЗах.

Так произошло в США в области инженерных специальностей, компьютерных наук, математики, где потребность в кадрах на протяжении не менее 30 лет удовлетворялась главным образом за счёт иммиграции. Дело дошло до того, что теперь даже потребность в квалифицированных рабочих США вынуждены всё больше удовлетворять за счёт иммиграции. Получается, что наибольшая в мире стоимость ЧК США — это «продукт» интернациональной деятельности, который хотя и «работает» на эту страну, но полностью её заслугой не является. По мере того, как другие страны будут осознавать определяющую важность развития собственного ЧК, США будут терять традиционные источники его пополнения. Япония таких проблем не имеет сейчас и не будет иметь их в будущем.

Таким образом, рассмотренная на примере Японии модель инвестирования в ЧК может быть признана исторически гораздо более жизнеспособной. Подобная модель — приоритетное инвестирование в капитал здоровья и капитал культуры (K_3 , K_K) и ориентирующееся на реальные потребности развития инвестирование в капитал образования (K_O) — успешно реализуется в соседней с США Канаде, в Швеции, Финляндии, Норвегии, Германии. В отличие от «изоляционистской» Японии, эти страны не отрицают полностью иммиграцию, но и не делают её приоритетом в своей «кадровой» политике. В силу этого человеческий капитал этих стран соответствует историческим традициям национальных социально-экономических систем, вследствие чего в нём постоянно воспроизводятся позитивные мотивации для собственного населения.

Рассуждения относительно типов моделей инвестирования развития человеческого капитала можно представить в виде схемы (рис. 2).

В реальной политике развитых государств переход от традиционной к трансформационной модели инвестирования развития ЧК до сих пор

Традиционная модель	Слагаемые ЧК	Трансформационная модель	
Динамичное наращивание доли ВВП (GDP) на общее увеличение ЧК в соответствии с возможностями экономики	→	K_3	← Приоритетное инвестирование в базовые слагаемые ЧК
	→	K_K	
	→	K_O	↕ Инвестирование в соответствии с общественными потребностями по объёму и структуре

Рис. 2. Традиционная и трансформационная модели инвестирования развития ЧК

происходит «под влиянием обстоятельств», а не в результате заранее спланированных действий. Столкнувшись с проблемой несоответствия качественных параметров накопленного ЧК потребностям общественно-экономического прогресса, эти страны «на ходу» пытаются менять приоритеты, но делают это недостаточно уверенно.

Показательны в этом смысле признания обозревателя газеты «The Financial Times» (Великобритания) Эдварда Люса [13]. Автор пытается объяснить, «почему США смотрят на Германию», которая раньше других развитых стран стала регулировать рынок труда под современные и, особенно, перспективные потребности развития экономики, и задаётся вопросом: «Можем ли мы воспроизвести немецкую модель?». Речь идёт о том, что Германия направляет примерно половину учеников средних школ в возрасте 16 лет и старше в систему профессионального образования. Более 40 % молодых немцев «становятся подмастерьями» и только 0,3 % представителей американских трудовых ресурсов делают то же самое.

В итоге США сталкиваются с увеличивающимся разрывом между потребностями рынка труда и «тем, что производит образовательная система страны». Автор [13] видит в этом парадоксе две стороны. Во-первых, в Америке существует недостаточный уровень квалификации». В стране всё ещё отмечается высокая степень безработицы и в то же время, по данным Бюро трудовой статистики (Bureau of Labor Statistics), количество вакантных рабочих мест составляет 3,5 миллиона. Некоторые экономисты считают, что этот «квалификационный разрыв» носит воображаемый характер — недостаток инженеров отразился бы на инфляции заработной платы, однако этого не произошло: в среднем час работы занятого на производстве рабочего стоит в США 32 доллара, а в Германии — 48 долларов. Тем не менее, работодатели настаивают на том, что нехватка квалифицированной рабочей силы — это обостряющаяся проблема. Заметим, что совершенно аналогичными параметрами характеризуется рынок труда Украины и России, хотя причины возникновения проблем здесь имеют иное происхождение.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Соединённые Штаты занимают последнее место среди 29 стран

с точки зрения готовности выпускников средних школ устроиться на работу, а 46 % студентов, поступивших в высшие учебные заведения, не могут в течение 6 лет получить положенную после четырёх лет обучения академическую степень [14].

Во-вторых, США обладают излишней квалификацией, — утверждает Э. Люс [13]. Почти половина американцев со степенью выполняют работу, не требующую такого уровня образования. Об этом свидетельствуют данные Центра по доступности и полезности высшего образования (Center for College Affordability and Productivity). Например, 15 % водителей такси в Америке имеют научные степени (в 1970 году количество таких таксистов равнялось 1 %); 25 % продавцов также являются выпускниками университетов (в 1970 году их доля составляла 5 %); 5 % уборщиков имеют степень бакалавра (в 1970 году среди них лиц с высшим образованием не отмечалось). Сходные обстоятельства подчёркивают и другие издания, но делают это в связи с тем, что подобные работники получают зарплату, значительно меньшую по отношению к их вузовской квалификации, чем подчёркивается несоответствие избыточного качества этой части человеческого капитала реальным условиям его использования [15]. Только на самом вершине системы рынка труда и образования хорошо «смешиваются» — в Америке только докторам наук и получившим степень магистра сотрудникам постоянно повышают заработную плату, и часто это увеличение является весьма значительным [14].

Именно в силу осознания практической потребности найти выход из этого противоречивого парадокса возрастает внимание к немецкому опыту, поскольку в Германии нет столь заметных перекосов *между накопленным и востребуемым качеством человеческого капитала*. Продвигать этот опыт помогают крупнейшие немецкие компании через свои филиалы в США; они «подталкивают» власти всех уровней к мысли, что «Америке вновь следует влюбиться в профессиональное обучение» и, преодолев проблемы финансирования, «вдохнуть новые силы в свои местные колледжи (community colleges), предлагающие курс двухлетней профессиональной подготовки» [14].

Одна из таких компаний — Siemens, у которой 60 тыс. американских сотрудников и которая недавно стала заниматься производством поездов в Америке, — объявила конкурс на замещение 50 рабочих вакансий. Было получено 2 тыс. заявок, но только 10 % соискателей прошли тесты на проверку профессиональной пригодности. В таких обстоятельствах компания вынуждена подготавливать для себя работников из числа местных выпускников средней школы, хотя стоит эта учёба в среднем 165 тыс. долларов в год на каждого ученика. Из отобранных к обучению компания готовит, например, шесть специалистов в

области «мехатроники» (mechatronics) — гибрида инженерной механики и компьютерных наук, — которые будут управлять роботами. Руководители концерна надеются, что «профессиональное обучение станет популярным в Америке». В Германии в год подготавливается 10 тыс. таких специалистов, и у этой страны, кажется, меньше проблем с недостаточной или излишней квалификацией, — подытоживает свои рассуждения Э. Люс [13].

Широкое обсуждение этой проблемы позволило, хотя и косвенно, подойти к ответу на вопрос о природе всё более не удовлетворяющего Америку качества её человеческого капитала. Среди многих причин сейчас признаётся как основная — политика *outsourcing*. Именно эта политика погони за сверхприбылью путём вывода производства в регионы мира с дешёвой рабочей силой постепенно отучила американцев «работать руками» и переориентировала молодое поколение в сферы услуг, где, якобы, достаточно только мозгов. Со временем стало ясно, что при таком разделении труда, когда на Америку «работают руками» в основном китайцы, индусы, бразильцы, мексиканцы, а «оторванные от рук мозги» в таком количестве Америке не нужны, огромный по стоимости ЧК этой страны недостаточно эффективен в плане обеспечения предпосылок для динамичного развития экономики.

Стал афоризмом ответ канцлера Германии А. Меркель на вопрос о причинах стабильности её страны: «Мы по-прежнему производим вещи» [14]. Глава американского филиала концерна Siemens Эрик Шпигель в письме Президенту США заявил: «Существует огромный потенциал по возвращению производства в Соединённые Штаты. Но если компании будут сталкиваться с проблемой поиска квалифицированных людей, то многое из этого не сможет осуществиться» [14].

Для такого предостережения этот представитель крупного производственного капитала страны, которая, в отличие от США, не была поражена политикой *outsourcing* и сумела сберечь рациональную структуру экономики, имел все основания. Сохранение целостности производственной системы позволило не допустить дисбаланса в приоритетах политики развития человеческого капитала, сберечь и развить традиционные сферы в экономике, ещё эффективнее подчинить им системы образования и науки. Вместе с тем страна не замкнулась в автономном обособлении от остального мира, является масштабным экспортёром технологий в развитые страны и осуществляет крупные проекты в развивающихся странах. Развитие сферы услуг в этой стране происходит в такой степени, в какой это необходимо для производственной системы.

В международном разделении труда, как на современном этапе, так и в будущем, гарантирова-

ны неоспоримые преимущества странам, человеческий капитал которых формируется преимущественно из национальных источников, а внешние каналы его пополнения играют лишь дополнительную роль, например, для усиления отдельных секторов производства, науки, образования. В настоящее время особую озабоченность властей *бедных стран* должны вызывать непрекращающиеся процессы исхода качественного человеческого капитала. Интеллектуальные утраты лишают экономику ресурсов развития, что, в свою очередь, делает невозможным их восполнение из оставшегося человеческого материала — как по причине уменьшения числа способных обучать, так и вследствие падения мотиваций потенциальных «учеников».

Резко отстающие от развитых стран по индексам эффективности и качества ЧК постсоветские страны (табл. 2) своеобразно пытаются «выправить» положение, сократить разрыв и привести эти параметры в соответствие с потребностями развития. Так, на совещании Российского союза ректоров (г. Тверь, апрель 2013 года) глава правительственного агентства социальных инициатив (АСИ, создано в 2011 году, Наблюдательный совет возглавил Президент РФ) предупредил, что высшее образование ждёт настоящая «долина смерти». По его словам, в скором времени окончательно устареют многие специальности, по которым ведётся вузовская подготовка. Кроме того, всё больше российских абитуриентов уезжают учиться в зарубежные ВУЗы (и, заметим, лишь немногие возвращаются).

Государство в этих условиях планирует снижать финансирование образования. Сокращение госфинансирования будет даже в тех отраслях, которые являются системообразующими, например, в здравоохранении или оказании социальных услуг. Вместо этого «государство будет стимулировать приход туда бизнеса». Глава АСИ заявил, что в правительстве всё чаще обсуждается проблема грядущего всплеска структурной безработицы. Сейчас она формально на низком уровне, но при этом в стране несколько миллионов рабочих мест, которые предельно неэффективны. Впоследствии их будут замещать низкоквалифицированными мигрантами или роботами. Таким образом, ВУЗам придётся перестраиваться — «отказаться от обучения юристов и бухгалтеров и начать подготовку специалистов, необходимых для «новой индустриализации» [16].

В этом нагромождении демагогии и цинизма поражает открытое издевательство госчиновника над аудиторией (и не только над собравшейся на «совещание») и над фактами. На третьем десятке лет современной государственности страны в упрек ВУЗам — бесправным и безденежным — ставятся проблемы, виной которых является само государство. Самодовольно открещиваясь

от них, государство пугает ВУЗы сокращением финансирования и призывает их «идти навстречу бизнесу». «Кошмар» структурной безработицы, «замеченной» властью только сейчас, оно намерено устранить, прекратив подготовку «юристов и бухгалтеров» (хотя на Западе эти специальности востребованы и спрос бизнеса на них растёт). Одновременно правительство собирается начать подготовку мифических специалистов для «новой индустриализации», хотя очевидно, что оно имеет смутные представления о их номенклатуре и потребности. Крайней степенью цинизма можно считать то, что государство пытается переложить на бизнес заботы об образовании в тот период, когда одна часть бизнеса занята выживанием, а другая — спешит обогатиться на ещё не разграбленных ресурсах. В главных сферах сырьевой экономики бизнесу вообще не нужны «новейшие» специалисты. Получается замкнутый круг из демагогии и показной озабоченности власти положением в образовании.

Из того же разряда последние новации правительства Украины. 15 апреля 2013 года Кабмин Украины утвердил новый Порядок формирования госзаказа на подготовку специалистов, научных, научно-педагогических и рабочих кадров, а также повышение квалификации и переподготовку кадров. В правительственном комментарии торжественно заявлено, что госзаказ будет формироваться с учётом среднесрочного прогноза потребности в специалистах и рабочих кадрах на рынке труда и что этот прогноз будет составляться по новой методике Минэкономразвития, которая предусматривает расчёт потребности экономики в рабочей силе в профессиональном разрезе на 5 лет. Сообщается, что для прогнозирования будут использоваться прогнозные показатели по валовой добавленной стоимости, производительности труда, фактической структуре занятых по профессиям. Научно-педагогической общественности сообщено, что новый подход к формированию госзаказа на подготовку специалистов и рабочих будет точно соответствовать потребностям рынка труда и что задание по этому поводу содержится в Национальном плане действий на 2013 год по внедрению Программы экономических реформ на 2010–2014 годы «Зажиточное общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство», утверждённой Указом Президента Украины. Завершается этот панегирик, словно гимном власти, уверенной убеждённости, что все эти титанические меры повысят образовательный потенциал граждан, которые теперь будут получать обучение только на «востребованные специальности». Околоправительственные сказочники так увлеклись риторикой, что даже раскрыли большую тайну — оказывается, реализация инновационного постановления Кабмина не потребует дополни-

тельных расходов из госбюджета (вероятно, потому, что оно и не предназначено для исполнения).

На фоне этого замечательного образчика бюрократического творчества тускло и незаметно смотрится жизненная проза: в 2013–2014 годах будет сокращена на 10 % численность научно-педагогического персонала в системе высшего образования (около 140 тыс. человек) и продолжится «упорядочение» структуры учебных заведений. Вряд-ли кого-то взволнует обращение к власти группы проректоров университетов Киева, Донецка, Харькова, Одессы, Днепропетровска и Сум (7 апреля 2013 года), в котором они указали на не востребованность отечественной науки, её обособленность от развития экономики, реальное уменьшение бюджетного финансирования научных исследований в университетах. Гласом вопиющего в пустыне государственного безразличия останутся их предложения: соблюдать Закон о финансировании науки (жалкая норма которого в 1,7 % от ВВП по факту в 10 раз меньше), увеличить финансирование воспроизводства научного потенциала ВУЗов, приступить к осуществлению инновационных проектов и привлекать к их осуществлению молодых учёных и специалистов.

Рассмотренные примеры указывают на те особенности политики в области человеческого капитала, которые широкоформатным популизмом пытаются скрыть реальное безразличие власти не только к его воспроизводству, но и к сохранению имеющегося интеллектуального потенциала от вынужденного исхода из страны.

Другого рода проблемы с восполнением потребности в качественном человеческом капитале испытывают *развитые страны*, которые по разным причинам не могут полностью обеспечивать возрастающие потребности из национальных источников. Наиболее характерным примером такого рода являются Соединённые Штаты Америки. На протяжении значительной части своей истории страна подпитывалась человеческим капиталом исключительно за счёт иммиграции. В первые сто лет существования США как государства рост населения происходил практически только благодаря иммиграции. В последующие сто лет иммиграционный поток стал более регулируемым и дифференцированным, с предпочтением квалифицированного человеческого материала, в предложении которого весь мир превратился в неисчерпаемый источник — в результате революций, войн, политических репрессий, геноцида, религиозных конфликтов.

Распад советской системы обеспечил США на десятилетия интеллектуальным капиталом высшего уровня качества, укрепившим науку, образование, производство страны. В том же качестве — «поставщиков» интеллектуальных ресурсов — уже более 20 лет выступают «независимые»

страны бывшего Советского Союза. Неплохим «подспорьем» для США становятся активно развивающиеся страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки — в большой общей массе иммигрантов этого направления увеличивается доля высококвалифицированных работников, значительная часть которых и подготовлена была в университетах США.

Все эти процессы и обстоятельства способствовали возникновению «эффекта привыкания» к внешней подпитке и зависимости страны от бесперебойной «работы» этого источника, обусловили опасное для великой страны ослабление собственной политики воспроизводства интеллектуальных ресурсов, послужили сомнительным поводом для откладывания на будущее кардинальных реформ в общеобразовательной школе. Ещё нет оснований утверждать, что общественная система не готова к современным вызовам, но специалисты усматривают опасности в тенденциях изменения качества человеческого капитала в недалёком будущем.

Мы также считаем, что для таких опасений есть ещё одно, не учитываемое пока специалистами США, обстоятельство: в конце концов, страны, «поставляющие» в Америку свои лучшие интеллектуальные ресурсы, откажутся от «услуг» безразличной к человеческому капиталу власти и смогут применить эти ресурсы для развития своих стран. Вот тогда, сегодня гипотетические, проблемы могут стать труднопреодолимыми, а лидерские позиции в важнейших сферах мировой экономики могут быть поколеблены, что фатальным образом скажется на состоянии глобального хозяйства. Для стран, принимающих американскую модель формирования эффективного человеческого капитала без учёта её отложенных отрицательных последствий, нынешние уроки США могут быть весьма полезными.

Привлечение интеллектуальной иммиграции для США — это до сих пор обычная практика. Около половины прироста численности специалистов в области математики, особенно программного обеспечения, даёт импорт иностранной рабочей силы. Затраты на подготовку равноценных специалистов в США достигают 600–800 тыс. долларов, причём требуется не менее 8 лет на их обучение и адаптацию. Знание этого обстоятельства — сильный мотив для иностранных высококвалифицированных специалистов, которые всегда пользовались спросом на рынке труда США. Поэтому их привлечение в страну приносит только выгоду как владельцам компаний, а следовательно, и государству, так и самим иммигрантам.

До сих пор (практически — до кризисных 2008–2009 гг.) доля людей с высшим образованием в составе иммигрантов постоянно росла. В период с

1970 по 1996 г. она увеличилась с 19,3 % до 28,9 %. С начала XXI века темп увеличения количества высококвалифицированных специалистов из числа иммигрантов составил 14 % в год, прежде всего, за счёт специалистов в области информационных технологий, инженеров, биологов, медиков. Среди приехавших в 2000–2007 годы доля бакалавров, магистров и докторов наук равнялась 25 % [17].

В высших структурах власти США ключевую роль этих специалистов признают как сейчас, так и видят её в будущем. Не подвергается сомнению, что именно от них зависит мировое лидерство США, их технологическое и военное превосходство. Есть трезвомыслие в том, что обеспечить себя кадрами необходимого уровня и в требуемом количестве только за счёт внутренних ресурсов страна не в состоянии. Потребности американской экономики в специалистах высшей квалификации настолько велики, что, несмотря на все усилия правительства, направленные на модернизацию системы образования в стране, экономический подъём последних десятилетий без использования иностранных специалистов, безусловно, был бы невозможен.

Эта ситуация сохранится и в обозримом будущем, что также является общим пунктом во всех прогнозах. Поскольку такие пессимистические заявления не окрашиваются, тем не менее, драматическими тонами, между строк угадывается уверенность их авторов в том, что беспорядок во многих странах исхода специалистов сохранится ещё долгое время, то есть источники иммиграции иссякнут ещё нескоро.

Такая сомнительная, хотя и реалистичная логика разделяется в Америке далеко не всеми — с одной стороны, продолжают совершенствовать программы привлечения интеллектуальных ресурсов, но с другой — ведут напряжённые политические дебаты относительно целесообразности такой политики в будущем.

Для привлечения в страну рабочей силы на временной основе существует несколько специализированных государственных программ. Основной является действующая с 90-х годов программа выдачи временных въездных виз для лиц, имеющих высшее образование или учёную степень, — так называемая программ H-1B. В условиях экономического кризиса, когда иммиграционный поток существенно уменьшился по общей массе и в некоторой степени — по удельному весу в ней специалистов, дебаты вокруг программ временной занятости для квалифицированных специалистов развернулись вновь. В высших органах власти их активизировали лоббисты главным образом высокотехнологичных корпораций (Microsoft, IBM, Oracle, Apple и др.). Вызванное кризисом сокращение притока остро необходимых им на предприятиях и в исследовательских центрах

математиков, физиков, программистов обусловило повышенную заинтересованность руководителей корпораций в дальнейшей либерализации иммиграционного законодательства. Их не устраивают уже принятые ранее изменения в Immigration Innovation Act 2013 года, согласно которым квота на таких специалистов была увеличена с 50 до 115 тысяч в год.

Противники либерализации иммиграционной политики в отношении иностранных специалистов выдвигают очень серьёзные аргументы. Во-первых, они считают нажим на власть высокотехнологичных секторов экономики проявлением их сиюминутных интересов и пренебрежением глубинных интересов страны. Во-вторых, они обвиняют работодателей, участвующих в программе H-1B, в том, что, используя иностранных специалистов, которым обычно платят значительно меньше, чем американцам за аналогичный труд, они повышают рентабельность своих корпораций, но одновременно лишают работы местных специалистов. Подчёркивается, что уже как минимум 10 лет наблюдается устойчивая тенденция снижения интереса американской молодёжи к сложным высокоматематизированным специальностям в университетах и что это также является следствием кадровой политики возглавляющих научно-технологический прогресс корпораций. В-третьих, законодатели всё чаще напоминают теперь о разрушительных последствиях влияния *аутсорсинга* и *оффшоринга* на занятость внутри США.

Оценка мер по ужесточению порядка выдачи виз иностранным специалистам американскими экспертами далеко неоднозначна. Если одни видят в них первый шаг на пути пресечения «воровства» рабочих мест у коренных американцев, то другие опасаются, что подобные меры могут стать тормозом на пути инновационного развития США. Последние цитируют Президента США, считающего, что решения проблем кризиса будут разрабатываться в лабораториях и исследовательских центрах, и напоминают, что *47 % всех работающих в США учёных и инженеров, имеющих степень PhD, — выходцы из других стран.*

Закljučая этот анализ, необходимо отметить, что ни в одной высокоразвитой стране мира проблемы формирования качественного человеческого капитала не политизированы в такой степени, как в США. Здесь их обсуждением заняты в гораздо большей мере политики, администрация правительства и законодатели, чем экономисты и социологи. Их общая озабоченность состоит в том, что многовекторное могущество страны всё в большей мере ставится в зависимость от интеллектуального капитала, воспроизводимого за её пределами, так как вопросы его формирования главным образом из коренного населения (как, например, в Японии и Германии) слишком долго

не считались актуальными. Очевидно, что с точки зрения продолжительности жизни одного поколения (современного) эти проблемы и тревоги не являются существенными. Но в отдалённой перспективе их игнорирование современниками может привести к катастрофическому упадку, о возможности которого говорят не только фантасты, но и серьёзные исследователи [18].

Выводы. Политика наращивания человеческого капитала путём увеличения его образования как основы общественного прогресса претерпевает принципиальные изменения. Развитые страны вступили в период переоценки методов подготовки человеческого капитала к новым вызовам. Вызревает понимание того, что *доминанта роста общей образованности должна заменяться концепцией специализированного обучения* на базе предшествующей фундаментальной подготовки в общеобразовательной системе. Следствием этой концепции будут повышающиеся индексы эффективности и качества человеческого капитала, но только при условии, что адекватно будет изменена политика воспроизводственного инвестирования под эгидой государства.

Начало XXI века, ознаменовавшееся переходом ряда стран в эпоху Экономики Знаний, обозначило приоритетное значение воспроизводства качественного человеческого капитала из собственных ресурсов. Лучшему пониманию этой парадигмы поспособствовали мировой финансово-экономический кризис, когда уменьшился темп пополнения интеллектуального потенциала мировых лидеров за счёт иммиграции, а также успехи в развитии ряда стран с догоняющей экономикой.

Этот же период показал обречённость политики стран, в которых не предпринимается реальных мер по сохранению качественного человеческого капитала от утечки за рубеж и от деградации.

Литература

1. Опорные конспекты лекций по курсу истории экономических учений. — Барнаул : Изд-во Алтайского ГТУ, 1996.
2. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов / А. Смит ; перевод М. Щепкина. — М. : Издание К. Т. Солдатенкова, 1985.
3. Мифы Древнего мира: от Древней Иудеи до падения Римской империи (по К. Ф. Беккеру). — Симферополь : Реноме, 1998.
4. Ильинский И. В. Инвестиции в будущее: образование в инновационном воспроизводстве / И. В. Ильинский. — СПб. : Изд. СПбУЭФ, 1996.
5. Долл О. Американский менеджмент на пороге XXI века / О. Долл, Д. Грейсон. — М. : Экономика, 1991.
6. Дятлов С. А. Теория человеческого капитала : учеб. пособие / С. А. Дятлов. — СПб. : Изд. СПбУЭФ, 1996; Экономическая теория : учебник для вузов / под ред. А. И. Добрынина, Л. С. Тарасевича. — СПб. : Изд. СПбГУЭФ ; Питерком, 1999; Кендрик Дж. Совокупный капитал США и его формирование / Дж. Кендрик. — М. : Прогресс, 1978; Добрынин А. И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренова. — СПб. : Наука, 1999.
7. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики. — В кн.: Новая технократическая волна на Западе / Т. Стоуньер. — М. : Прогресс, 1986.
8. Kuznets, Simon Smith. Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure, 1971; Kuznets, S. Population, Capital and Growth, 1973.
9. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences / T. Shultz. — N. Y., 1968.
10. Becker Gary S. Human Capital / Gary S. Becker. — N. Y. : Columbia University Press, 1964.
11. Марцинкевич В. Экономика человека / В. Марцинкевич, И. Соболева. — М. : Аспект пресс, 1995.
12. Корчагин Ю. А. Эффективность национального человеческого капитала: Методика измерения / Ю. А. Корчагин. — Воронеж : ЦИРЭ, 2011.
13. The Financial Times (Великобритания). — 20 April. — 2013. — P. 14, 38.
14. Reklama. — № 16 (914). — April 25. — 2013. — P. 22.
15. Chicago Tribune. — May 3. — 2013. — P. 1, 18; RedEye. — May 3. — 2013. — P. 12; Знаменитое американское образование даёт трещину? // Russian Chicago Magazine. — May 10. — 2013. — P. 22–24.
16. Коммерсантъ. — № 63 (5094). — 11 апреля 2013 года.
17. Высококвалифицированные иммигранты // 7 дней. — № 14 (845). — April 12. — 2013. — P. 11; Безробітне покоління // Час і Події. — № 19. — 9 травня 2013 року. — С. 24.
18. Clarke, Artur C. The newknight of science fiction, 1998; Imperial Earth, 1975; The Last Theorem, 2008; Yeinlein, Robert Auson: Stranger in a Strange Land, 1961; Friday, 1982; Asimov, Isaak: Foundation, 1951; The winds of change and other stories, 1983; Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация / И. В. Бестужев-Лада. — М. : ВЛАДОС, 1998; Мищенко А. В. Моделирование развития человеческого интеллекта / А. В. Мищенко // Штучний інтелект. — № 4. — 2008.